

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Т.Б. Длугач

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФИИ И.Г. ФИХТЕ

Длугач Тамара Борисовна – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5; e-mail: dlugatsch@yandex.ru

Автор ставит своей целью рассмотреть, как оценивает человека И.Г. Фихте. Для Фихте человек – цель философии и цель мироздания. Утверждение автономии человека – в центре фихтевских рассуждений. Здесь Фихте – даже впереди Канта, т. к. у последнего утверждается только автономия человеческого разума, у Фихте же – человека в целом. Вместе с тем, в своих идеях о человеке как о господине природы никто не был так близок Фихте, как Маркс. Исходя из различных определений человека, даваемых Фихте, видно, что, с одной стороны, человек для Фихте – природное существо, рожденное природой в ее неспешном движении; с другой же стороны, человек властвует над природой, он изменяет ее, становится ее господином. Наивысшей особенностью человека для Фихте выступает его причастность к нравственному закону. Этим доказывается идеалистический характер деятельности в концепции философа. Нравственный закон для Фихте есть, в то же время, Высшая Воля, от которой зависят все конечные воли. Она заставляет человека желать чего-либо, прежде всего, изменять все существующее. Затем включается творческая способность, научению которой должно быть посвящено новое воспитание. Человек образует новые идеальные образы и претворяет их в действительность благодаря деятельности. Ради деятельности существует и познание, являющееся, в сущности, знанием знания. Так человек преобразует весь мир.

Ключевые слова: Фихте, природа, намерение, мышление, деятельность, Высшая Воля, прогресс

Не было, пожалуй, в истории философии автора, который бы так возвеличил человека, как Фихте. Для Фихте человек – цель философии, и он же – цель мироздания. Поэтому вопрос о том, что представляет собой человек – в центре фихтевских рассуждений. Философ дает множество определений, и главное в них – утверждение автономии человека. Здесь Фихте – даже впереди Канта, т. к. у последнего утверждается только автономия человеческого разума, у Фихте же – человека в целом. В то же время в своих идеях о человеке как о господине природы никто не был так близок Фихте, как Маркс. В течение почти двухсот лет эти взгляды были очень актуальны, и лишь в последнее полвека возобладали взгляды на природу как на сосуществующую рядом с человеком самостоятельную субстанцию, которую человек не может изме-

нять, как ему вздумается. Так что же такое человек? Результат ли он развития природы или определен чем-то иным? Чувственное ли он или моральное существо? Что он сделать в состоянии и чего не может ни при каких условиях?

Человек – продукт природы и Высшей Воли. Надо сказать, что однозначного определения человека у Фихте нет. Сначала кажется бесспорным, что человек определяется как продукт природы: «Через какую же другую, как не через всеобщую силу природы, так как он ведь не что иное, как часть природы, может быть определен он?»¹; природа идет своим неспешным путем, проходя этапы неживых форм, живых организмов и, наконец, человека. Природа все время спешит в вечном процессе превращений, порождая все новые формы и свойства, все новые признаки, в том числе и мышление.

Свойства, с которыми человек появился, и время, когда он появился, определены всеобщей силой природы. Конечно, говорит Фихте, я не могу объяснить, каким образом сила природы производит мысль, но я не могу также объяснить, как она производит и другие формы. Философ даже высказывает предположение, что эти глубинные силы природы никогда не будут объяснены, т. к. они сами представляют то исходное, из чего все должно быть объяснено. Надо просто признать, заключает Фихте, что мышление существует, и ограничиться этим. Надо признать также, что все другие формы существуют, и также ограничиться этим. В неорганизованной материи природа представляет собой простое бытие; в организованной материи она воздействует на себя саму; в высшем и совершеннейшем своем творении, в человеке, она созерцает и познает себя. Она в нем как бы удваивается и из простого бытия становится соединением бытия и сознания.

В каждом индивиду, пишет Фихте, природа демонстрирует себя – с одной стороны. И в то же время на протяжении всей работы «Назначение человека» (1800) мы встречаемся с утверждениями, что человек изменяет природу, что он становится ее господином и заставляет ее служить себе. Эти утверждения указывают на то, что человек не целиком природное существо. Для Фихте это бесспорно, т. к. природное он отождествляет с чувственным, а у человека, кроме чувственного, есть еще и духовное. Откуда оно? Это не совсем ясно; мышление – продукт природы, а все остальное, духовное, – что оно и откуда? Фихте поясняет, что человек зависит только от самого себя и существует сам по себе. Но и это не совсем понятно, ибо причем здесь тогда природа, а также та сила, которая позволяет господствовать над природой? «То, что я предназначен необходимо к тому, чтобы быть мудрецом и добрым или дураком и злым, что я ничего не могу изменить в этой определенности, что в первом случае за мной нет никакой заслуги, а в последнем – никакой вины, – вот что наполнило меня отвращением и ужасом. *Вне меня находящаяся* причина моего бытия и всех свойств этого бытия, проявления которой опять-таки определяются другими причинами, внешними по отношению к этой, – вот то, что оттолкнуло меня с такой силой. Та свобода, которая не есть *моя собственная* свобода, но только свобода *чуждой силы вне меня*, да и то только *обусловленная*, только половинная, – такая свобода меня не удовлетворяла. *Я сам* ...хочу самостоятельно представлять собой что-либо, сам по себе и для себя, а не при чем-то другом и не через другое; и как нечто самостоятельное – я хочу сам быть последним основанием, последней причиной того, что меня определяет»².

¹ Фихте И.Г. Назначение человека // Фихте И.Г. Соч.: в 2 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 80.

² Там же. С. 93–94.

Что же является той силой, которая обеспечивает человеку самостоятельность? Очевидно, не тело, пишет Фихте, оно – проявление сил природы; следующая строка приоткрывает, в чем же состоит эта сила: «...Я хочу свободно хотеть согласно свободно избранной цели; я хочу, чтобы эта воля как последняя причина, т. е. не определяемая никакими другими высшими причинами, могла бы приводить в движение прежде всего мое тело, а посредством его и все окружающее меня и производить в нем изменения. Моя деятельная естественная сила должна находиться во власти воли и не приводиться в движение ничем, кроме нее»³. Становится ясно, что есть некая сила, – Фихте называет ее *волей*, – от которой исходит вся мощь человека, его деятельное могущество и его свобода. Как будто воля и есть то, что делает человека самостоятельным и придает ему силы. Но откуда берется воля? Она не от природы, так же, как не природе обязаны своим существованием еще два свойства – деятельность и свобода. Фихте совершенно определенно считает среди этих трех свойств главным – волю. Главное – *захотеть, пожелать* чего-либо; воля движет моими руками, моими действиями. Но моя воля имеет своим источником более Высокую Волю. Ее нельзя рассматривать как нечто внешнее моей воле; последняя – момент первой, объединяющей все конечные человеческие воли в одну. О ней еще много будет сказано, пока же важно понять, что только воля – как нечто нематериальное – приводит в движение и материальный, и духовный миры.

Посредством орудий и сил – Фихте вводит понятие орудия, но не объясняет, что это такое и какое имеет значение для человека – воля есть первое основание, и перед ней нет ничего, что определяло бы ее. Поскольку воля, хотение, нематериальна, человек оказывается принадлежащим к двум мирам: «...Я представляю собой член двух порядков: одного чисто духовного, в котором я господствую посредством одной только чистой воли, и другого, чувственного, в котором я проявляю свою деятельность... Воля – это живой принцип разума, это сам разум, когда он понимается чисто и независимо...»⁴. Эти два порядка сосуществуют. Моя воля, которую я ввожу в порядок мира, есть источник истинной жизни. Моя деятельная естественная сила должна находиться во власти воли и не приводиться в движение ничем иным, кроме нее. Все поступки человека вытекают из воли; поэтому я – господин природы. Согласно фихтевскому взгляду, способность изменять природу, совершенно освобожденная от действия ее законов – это сила цели, сила воли: «Мысль не остается уже более простым зрителем, но от нее исходит само действие»⁵. Как видим, только желание менять все, является настоящей причиной разнообразного существования природы. И если раньше Фихте утверждал, что человек – продукт двух миров, то позже он склоняется к другому выводу, причем совершенно определенно: «Человек не есть порождение чувственного мира, и конечная цель его бытия не может быть в нем достигнута. Его назначение выходит за пределы времени и пространства и вообще всего чувственного. Что он такое и чем он обязан сделаться, об этом он должен знать; как, насколько велико его назначение, так и мысль его должна также уметь подняться выше всех границ чувственности... Он поднимает себя над этими границами, ...все чувственное превращается в чистое ничто...»⁶

³ Фихте И.Г. Назначение человека. С. 94.

⁴ Там же. С. 192.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ Там же. С. 212.

Идеалистический характер интерпретации человека становится очевиден. Не тело – источник силы и самостоятельности человека, но духовное свойство, воля – такой источник, благодаря которому человек поднимается над всем чувственным. Воля содержится в человеке, она рождается вместе с человеком и представляет собой, по сути, его сущность. Фихте подчеркивает, что сначала вместе с волей рождается человек, а затем он совершенствует себя. Это вполне соответствует первому положению наукоучения: я полагаю безусловно свое собственное бытие.

Человек – господин природы. Правда, Фихте видит, что освобождение человека происходит со временем. Как духовное высшее существо человек формируется постепенно; также и жизнь его с переходом на каждый новый этап становится более свободной и самостоятельной. «Еще с трудом завоевывает себе наш род пропитание и условия своего дальнейшего существования у противодействующей ему природы. Еще гибнет большая половина человечества всю свою жизнь под тяжелым грузом, чтобы обеспечить пропитание себе и меньшей части человечества, которая за нее думает; бессмертный дух человечества вынужден употреблять свое творчество, и мышление, и труд на землю, которая дает людям пропитание»⁷.

Также нередко случается, что злобный природный вихрь уничтожает то, над чем человек трудился долгие годы. Болезни сводят людей в могилу. И социальные катастрофы угрожают людям. Но Фихте убежден, что все эти грубые силы превращаются в ничто перед человеческим могуществом. Природа должна быть поставлена в такое положение, чтобы ее сила была подчинена людям, они должны господствовать над силами природы. И это, согласно Фихте, когда-нибудь произойдет. Наука будет помогать человеку, и постепенно человеческий труд уменьшится до пределов, необходимых для благого человеческого существования. Конечно, Фихте не мог пройти мимо науки, ведь само его философское учение носит название «наукоучение». Да и в целом вся немецкая классическая философия вплоть до Гегеля была наукоучением, была устремлена на науку. В лекции «О назначении ученого» (1794) Фихте с самого начала заявляет, что ответ на вопрос о науке связан с ответом на вопрос: каково назначение человека и что такое человек вообще. Вся философия и все философские знания, говорит он, ориентируются на этот вопрос как на главный. И, как все немецкие идеалисты, Фихте заявляет, что у человека есть разум, что он разумное существо и что поэтому является своей собственной целью, ибо ничто не может быть выше разума. Абсолютное бытие, по Фихте, есть не что иное, как бытие разумного существа. Но Я немыслимо без своих эмпирических определений, т. е. без не-Я, – иначе оно не есть Я, субъект. Поэтому человек есть и чувственное существо. Для Фихте он, как уже говорилось, – существо двух миров: чувственного и разумного, хотя впоследствии философ будет склоняться только к одному из них – духовному. Это – чистое Я, или яйность. Человек определяет себя сам, он – цель самого себя. Эта цель включает в себя нравственный закон, соответствующий его разумному назначению, точнее, определяющий его. Человек, говорит далее Фихте, должен быть в согласии с самим собой и с вещами. Подчинить себе все неразумное, овладеть им согласно своему собственному плану – такова цель человеческого бытия, и, кроме того, человек должен постоянно совершенствоваться. Он становится нравственно лучше, чище и улучшает все вокруг себя в чувственном мире.

⁷ Фихте И.Г. Назначение человека. С. 170.

В соответствии с этим определяется и цель, и назначение ученого. Человек должен знать, какие у него задатки, что он должен развивать, и в этом ему помогают ученые. Наука сама есть отрасль человеческого бытия, и каждая ее ветвь должна развиваться дальше. Ученым свойственно стремление развивать науку. Они должны привить людям знание их истинных потребностей и способностей, также те новые свойства, что появились в последнее время. Человек достигает совершенства в бесконечном своем развитии, поэтому ученый должен указывать на каждом этапе, что здесь важнее всего. Ученый, как учитель человечества, должен к тому же быть нравственно чистым, лучшим человеком своего века. Он – жрец истины и служит ей. Прогресс культуры – вот в сущности цель человека и ученого.

В лекциях дается критика взглядов Руссо на науку, причиной которых, как думает Фихте, было неразвитое знание. Руссо стремился поступать честно и рекомендовал людям «естественное состояние», но он обратил слишком малое внимание на развитие культуры, он хотел только развития независимо от чувственности, а не в духовном отношении. «Руссо забывает, – пишет Фихте, – что человечество должно и может приблизиться к этому (идеальному. – Т.Д.) состоянию только благодаря заботам, стараниям и работе. Без применения деятельности жизни нет»⁸.

Все же нужно выяснить, только ли в конечном счете человеческая воля и сила определяют его существование и данное состояние природы. И вновь мы вынуждены вернуться к той таинственной, Вечной живой Воле, которая объединяет в себе все отдельные человеческие воли, производные от нее. Уже говорилось, что ее нельзя считать внешней по отношению к отдельной человеческой воле; сущность здесь одна и та же. И если мы захотим выяснить ее глубинную природу, то вынуждены будем признать, что она представляет собой нравственный закон. Здесь Фихте впереди Канта. Согласно Канту, нравственное благо внедрено только в отношения между людьми; у Фихте нравственный закон определяет все поступки человека; изменение природы тоже осуществляется как нравственное благо. Нравственный закон есть также совесть, и именно она заставляет видеть в других разумных существах людей, которых никогда нельзя использовать в качестве средства. Нравственный закон у Фихте – нечто гораздо более действенное, чем у Канта. Он дает ему множество разных определений: это и воля, и высший импульс действия, и абсолютное благо.

Воля, Высшая Воля, живая Воля порождает мир; она является живым и действующим элементом духовного мира, «точно так же, как движение является тем же для мира чувственного»⁹. «Я стою посредине обоих прямо противоположных миров, одного – видимого, в котором решающая роль принадлежит действию, другого – невидимого и даже непостижимого, в котором эту роль играет воля; я представляю собой одну из первоначальных сил для обоих миров...»¹⁰. Моя воля, говорит Фихте, есть лишь часть Высшей Воли, создавшей все миры и меня самого, она – составная часть сверхчувственного мира. Причем эта высшая воля пронизывает и нынешний, земной мир, создавая его.

В чувственном мире моя воля становится также и действием; как это происходит, Фихте не объясняет, просто утверждая, что действие присоединяется к воле, что оно есть ее следствие: Высшая, чистая Воля – источник всего существующего и моей воли также. Именно поэтому, когда я считаю себя совершенно самостоятельным, признание общей воли не означает утвержде-

⁸ Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И.Г. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 61–62.

⁹ Фихте И.Г. Назначение человека. С. 186.

¹⁰ Там же.

ние какой-то чуждой силы – она есть моя высшая основа, частью которой я являюсь. Тут же Фихте вновь поясняет, что Высшая Воля – это нравственный закон и одновременно совесть. Очень последовательно автор показывает, что настоящий мир существует для нас лишь через веление долга. И далее: исключительно благодаря взгляду на свою волю как на часть Высшей Воли, я понимаю себя как причину земного мира и как причину самого себя без всякого, вне ее лежащего орудия, и как действие сверхчувственного мира. Надо сказать, что Высшей Воле Фихте уделяет не меньше внимания, чем конечной. «Как здесь, уже в простом направлении и движении моей руки я познаю и охватываю все вытекающие отсюда направления и движения, с такой же достоверностью, как будто они уже налицо и воспринимались мною, точно так же охватываю я в своей согласной с долгом воле ряд необходимых и неизбежных следствий в духовном мире, как будто бы они уже существовали, <...> именно когда я это делаю, мыслю я закон духовного мира, в котором моя чистая воля является одной из движущих сил, подобно тому, как моя рука является одной из движущих сил в материальном мире»¹¹.

Правда, признание Высшей и конечной волей не обосновывается доказательно, оно просто принимается, исходя из целостной концепции нашего мыслителя. «Ни я, ни какое другое конечное, а потому в каком-нибудь отношении чувственное существо не может даже хотя бы только понять, каким образом чистая Воля может иметь следствия и каковы могут быть эти следствия, так как сущность нашей конечности именно в том и состоит, что мы не можем этого понять, что мы, вполне, располагая чистой волей как таковой, необходимо рассматриваем ее следствия как состояния; каким же образом я или какое-нибудь другое конечное существо может ставить себе целью и осуществлять то, что мы все просто не в состоянии ни мыслить, ни понимать?»¹² – ставит вопрос Фихте и отвечает: даже если мы не можем понять ни каким образом возникают следствия, ни каким образом моя воля определяет чувственный мир, мы должны исходить из Высшей Воли. Так как конечная воля не может дать закон сверхчувственному миру, которого не может охватить ни один конечный дух, ибо все конечные воли находятся под властью закона сверхчувственного мира, то надо признать: как всеобщая сила притяжения держит все тела и соединяет их с собою и друг с другом, так и этот сверхчувственный закон соединяет, держит в себе и располагает в порядке все единичные разумные существа. Нельзя, согласно Фихте, отказаться от идеального, сверхчувственного единого закона, потому что материальное начало не может само ни двигаться, ни приводить в движение иное, ни объединять. Ведь что представляет собой Высшая Воля? Это самодетельный разум; это чистая воля, действующая сама через себя, без какого-либо орудия и чувственной материи. «...Эта высокая Воля не идет своей дорогой, отдельно от остального мира разума. Между нею и всеми конечными разумными существами имеется духовная связь, и сама она есть эта духовная связь мира разума. Я твердо хочу исполнить свой долг, и она хочет также, чтобы мне удалось это...»¹³. Голос совести – это голос оракула из вечного мира, и я исполняю его волю. Высшая Воля связывает меня с самим собой и со всеми подобными мне существами. Она – чисто духовное веление долга, которое можно представить как *веление* такого поступка в чувственном мире. Нельзя представлять самостоятельный чувственный мир, а надо исходить лишь из действия свободных духов, объединенных во всеобщей бесконечной Воле.

¹¹ Фихте И.Г. Назначение человека. С. 199.

¹² Там же. С. 199–200.

¹³ Там же. С. 202.

Эта Вечная Воля – творец мира. И не один раз подчеркивает Фихте, что она и есть нравственный закон: «Не во что иное, как в то, что из верного и непреклонного исполнения нами нашего долга в этом мире разовьется вечная жизнь, осуществляющая нашу свободу и нравственность»¹⁴.

Высшая Воля производит все, она создает и человека со всеми его способностями. Одна из важных способностей, благодаря которым совершаются все изменения в мире, – это способность познания: надо знать окружающий мир для того, чтобы его изменять. В этом вопросе Фихте неоднозначен: с одной стороны, мышление порождается природой, с другой стороны, оно – продукт Высшей Воли; с одной стороны, эта деятельность – по изменению существующего, ведь Фихте утверждает, что человек рожден для того, чтобы действовать; с другой стороны, без познания действие невозможно. Но ясно, что Фихте здесь впереди Канта: хотя, конечно, Кант первый в немецкой философии акцентирует внимание на активности (вспомним: мы не можем мыслить линию, не проведя ее мысленно), все же она для него, в основном, – простое действие. У Фихте же деятельность – первое и нравственное начало на всех этапах. Фихте с самого начала отвергает кантовскую вещь саму по себе и ощущения, воспринимаемые от нее. Разум, по его убеждению, сначала практичен, а потом теоретичен. Это означает, что разум (мышление) должен сначала создать ту вещь, которую он затем сможет познавать. В самом деле, думает Фихте, когда исследователь приходит в лабораторию, он не начинает с ощущений, которые якобы исходят от предмета эксперимента. Нет, он строит свои рассуждения, основывая их на собственных мысленных схемах, которые конструирует и которые соотносит с прежними схемами. Беркли уверял, что мы не можем выйти за пределы своих ощущений; Фихте уверяет, что мы не можем выйти за пределы своего сознания. Все, что мы имеем в познании, это первоначально продукт нашего сознания. Мы не можем выйти за его пределы. Может ли когда-нибудь, пишет Фихте, «вещь отличаться от ... сознания вещи и сознание ... отличаться когда-либо от вещи?»¹⁵. И кажется, что это действительно так: ведь когда я говорю, что знаю, что такое береза, то этот предмет выступает для меня вместе со *знанием* о ней. Скажи, спрашивает автор читателей, поскольку вы не превратились в пни и чурбаны, – можете ли вы мыслить или осознавать что-либо без осознания этого? Ведь «стол» вы знаете как знание, знание о столе, а пень – как знание о пне. Но как же так – могут задать Фихте вопрос – получается, что реальность *вне* меня есть *моя* реальность? И недаром тогда Фихте упрекали в субъективизме? – Фихте в ответ на это предлагает картину двух реальностей: одна существует независимо от меня, но я о ней ничего не знаю. Другая же создана мной, она передо мной и в познании, и в действии, и я создаю ее сам.

Познание – средство господства над миром. Но если предмет для познания человек создает сам, а познание также есть не что иное, как мысленное соиздание предмета, то получается, что в познании мы соотносим сознание – с сознанием же, или, как говорит Фихте, сознание II степени с сознанием I степени, или же осуществляем сравнение образа с прообразом. Как же человек создает прообраз? Ответ на этот вопрос Фихте дает в работе «Речи к немецкой нации» (1808), подробнее мы рассмотрим его немного ниже; пока лишь остановимся на том, что способность творить новые образы присуща человеку в качестве одной из его главных способностей, ведь он

¹⁴ Фихте И.Г. Назначение человека. С. 207.

¹⁵ Фихте И.Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сущности новейшей философии // Фихте И.Г. Соч.: в 2 т. Т. 1. СПб., 1993. С. 646.

рожден для того, чтобы переделывать мир и совершенствовать себя. В этом пункте особенно заметна близость позиций Фихте и Маркса. Маркс, правда, отталкивается от потребностей человека: желая удовлетворить какие-то свои потребности, человек придумывает новые орудия и предметы; у Фихте нигде нет речи о потребностях, хотя, по-видимому, он имеет их в виду, но правильнее было бы думать, что человек создает новые образы (новые мысленные предметы), желая просто удовлетворить свою творческую потребность. У Маркса целеполагающая деятельность вплетена в материальные действия; у Фихте идеальная деятельность первична и выражает сущность человека.

Общее у Фихте с Марксом также и то представление, что вследствие воздействия на окружающий мир человек становится его господином, природа подчиняется ему. Человек переделывает растения, выводит новые породы животных; все сырое вещество природы изменяется им. «Природа должна постепенно вступить в такое положение, чтобы можно было с уверенностью предугадывать ее закономерный ход и чтобы ее сила встала в определенное отношение к человеческой власти, которой предназначено господствовать над силой природы»¹⁶. В тот период, в XIX–XX вв., такие утверждения были вполне правомерны; сейчас же, в связи с экологическим кризисом потребовались новые установки – признания свободы самой природы и ее сосуществования рядом с человеком. Природа требует сегодня к себе отношения как к внешнему самостоятельному миру, как существующему самому по себе.

Способность суждения, т. е. способность активно познавать мир, – это изобретение Канта; у Фихте эта способность самопроизвольна и не зависит от материального изменения мира; скорее, наоборот, здесь второе подчинено первому. Творческая сила рождается в самом субъекте и направлена на внешний мир; по отношению же к субъекту Фихте уделяет внимание, прежде всего, проблеме его самоусовершенствования.

Остановимся на вопросе о формировании познающего субъекта. Маркс и Фихте здесь также близки в своих интерпретациях. Согласно Марксу, у человека постоянно рождаются новые потребности и способности; Фихте же считает, что у человека развивается способность к усовершенствованию и творчеству. Но самое главное, по Фихте, – надо сформировать, т. е. помыслить субъекта как *мыслящее* существо. Это довольно трудный момент – субъект должен быть не мыслимым – как книга, береза и прочее, – а как *мыслящее* же.

Определение, которое Фихте дает этому двойственному субъекту, – двойное определение «дело–действие» (*Tathandlung*), оно подчеркивает то обстоятельство, что субъект мыслящий мыслит себя как мыслящего. Если отойти немного в сторону, то, действительно, познавая нечто, человек в то же время мыслит и о себе самом – это Фихте подметил очень тонко. Но если согласно Марксу познание и самопознание происходят одновременно, то с точки зрения Фихте сначала возникает самосознание, которое затем начинает познавать. Познание, как его интерпретирует Фихте, это совершенно особый процесс.

О некоторых его особенностях уже говорилось: во-первых, это отрицание вещей самих по себе, т. е. отрицание существования предметов вне познания – мы не знаем, существуют ли они, и мы не знаем, как они существуют. Во-вторых, как думает Фихте, у нас нет такого органа чувств, использованием которого мы бы доказали, что ощущения относятся к чему-то *вне* нас. Мы можем лишь доказать, что все ощущения содержатся в нас. Это наши состояния, и только о них мы можем говорить: красное, твердое, горькое, прямоугольное и т. п. – это состояния, или факты нашего сознания. Из этих

¹⁶ Фихте И.Г. Назначение человека. С. 171.

фактов посредством объединения их благодаря продуктивному воображению у нас в сознании возникает предмет познания; но считать его *внешним* мы можем благодаря особому свойству нашего сознания, которое выносит его вовне. Фихте называет этот акт – «выходением из созерцания». В «Фактах сознания» (1810) Фихте говорит: «"Внешнее восприятие" содержит *возбуждение* внешнего чувства, – но оно принадлежит к созерцаниям, и созерцающий может воспринимать его "только на себе и в себе". Следовательно, мы можем только сказать, что оно есть самосозерцание. Потому что совершенно непонятно, каким образом созерцающее может выйти из этого простого восприятия и сказать: вне меня и совершенно независимо от меня существует *нечто*, протяженное в пространстве и с такими-то качествами»¹⁷. Мы не можем отнести эти свойства к чему-то внешнему, т. к. мы не можем выйти за пределы самосознания, т. е. к чему-то внешнему. Мы сами *выносим* созданный нами предмет вовне. И поэтому то, что мы называем внешним чувством, на самом деле есть образ *внутреннего чувства*. Мы не сразу понимаем это, потому что акт продуктивного воображения непосредственно сливается со своим продуктом, и только рефлексия над этим процессом дает понимание того, что внешний предмет – продукт Я, т. е. не-Я. Таким образом, благодаря продуктивному воображению и благодаря созерцанию мы получаем в свое распоряжение *внешний* предмет, и так образуется не-Я. Что и отражено во втором основоположении наукоучения Фихте.

Все рассуждения философа строятся на совершенно особой концепции мышления, не совпадающей со взглядами других немецких идеалистов. Немецкие идеалисты исходили из понимания человека как разумного существа, суть которого составляет именно разум. Он помещается в голове человека и как мысленный принципиально отличен от предметов вовне. Главным становится вопрос: что является предметом познания? – Тот предмет, который находится в голове, или же тот предмет, который вне ее? Кажется бесспорным, что это – предмет разума. Для того, чтобы как-то соединить этот предмет с внешним познаваемым, приходилось придумывать разные сложные пути; Гегель даже придал внешним материальным предметам идеальную основу. Кант установил между предметами разума и внешними предметами особое отрицательное отношение: бесспорно, что предметом познания является предмет разума, точнее, не разума, а его ответвлений – чувственности и рассудка, но установив, что он – феномен, Кант установил также связь между ним и внешним предметом как ноуменом. Заявив с самого начала существование, с одной стороны, вещей самих по себе, а, с другой, человека, наделенного разумом, Кант предположил, что предмет разума соотносится с самим предметом как с чем-то, чего нельзя знать, но на что непременно надо ориентироваться как на маяк, или звезду познания, к которому надо стремиться, никогда его не достигая. Заслуга Канта в данном случае была и в том, что он предположил: мы знаем предмет настолько же, насколько мы его не знаем. И это, действительно, так, поскольку у предмета может быть множество свойств, неизвестных нам.

Марксово понимание разума и познания было еще одним оригинальным решением: включив цель, целеполагание в практическую деятельность, Маркс получил возможность соединить предмет, сформированный разумом, с будущим самого предмета как с его целью – материальным его изменением. С этих позиций предмет сам по себе и предмет разума тесно соприкасаются.

¹⁷ Фихте И.Г. Факты сознания // Фихте И.Г. Соч.: в 2 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 625.

У Фихте особая концепция: он не выходит за пределы человеческого разума; предмет познания – это только предмет разума. Мы никак и никогда не можем выйти за пределы своего сознания, и все, что мы знаем о внешнем мире, мы знаем только из сознания и самосознания; поэтому познание внешних предметов есть результат внутренних созданий разума. При этом Фихте не ставит вопроса о том, правильно ли разум соединил все эти элементы: ведь как будто человек может соединить их не под тем углом и не в том сочетании. Нет, философ молчаливо исходит из того, что соединение всех ощущений (которые и ощущениями-то нельзя назвать) идет правильно, а иначе мы не можем знать предмет.

Итак, признание Фихте первым актом основоположения деятельности Я по формированию себя самого как мыслящего, а вторым актом – деятельности Я по созиданию не-Я, как будто верно. И подтверждается различие между взглядами на познание Канта и Фихте: Кант относит ощущения к внешним воздействиям со стороны вещей самих по себе; Фихте же считает впечатления (не ощущения) элементами самосознания. Вопрос, откуда происходят впечатления, не решается Фихте: как будто они исходят все же от предмета, созданного вследствие ограничения Я своей активности. Как это ограничение происходит, остается не до конца понятным, и поэтому не очень ясен акт созидания не-Я. Это одна из неразрешенных задач Фихте. Но созидание не-Я необходимо, т. к. нет субъекта без объекта, без не-Я.

Свое отличие от Канта (которого в данном случае Фихте называет материалистом) Фихте объясняет так: «Здесь обнаруживается отличие нашей системы от той, которая признает существование чувственных вещей в себе и кладет их в основание сознания; мы не придадим ей двусмысленного названия догматизма, а будем называть ее материализмом... Материализм утверждает: в установленных до сих пор объективных представлениях мира изображает себя чувственный мир; мы же, напротив, утверждаем, что в этих представлениях, в тех же самых, которые они имеют в виду, изображает себя жизнь самого сознания, <...> материализм предполагает, что вещи обосновывают вообще жизнь сознания. В этом-то мы с ним и несогласны, <...> в описанном нами сознании жизнь изображает себя и изображает только себя»¹⁸. Таким образом, не стоит говорить о вещах и ощущениях, имеет смысл говорить о самосознании и сознании, о формировании Я и о созидании не-Я.

Но здесь открывается еще одна трудность: дело в том, что не-Я создается дважды. Первый раз, когда мы выносим вовне созданный продуктивным воображением предмет так, как будто он существует сам по себе, независимо от нас. Подобное впечатление возникает потому, что этот акт совершается стихийно, неосознанно, неотрефлексированно. Но во второй раз, когда мы познаем этот, созданный нами же предмет, но уже осознанно, он выступает как *копия* прежнего первообраза. Иначе говоря, сознание всегда имеет дело с самим собой и своими созданиями: сначала в виде первообраза, затем в виде его копии. Ведь мы не можем сказать о столе (или березе) ничего кроме того, что мы *знаем* их как стол (или березу); а потом мы составляем знание об этом знании. Первообраз и образ, или первообраз и его копия – вот с чем всегда имеет дело человек в процессе познания. Как уже упоминалось, речь идет о соотношении сознания II степени с сознанием I степени. «Если жизнь сознания совершенно свободна, как мы уже раньше признали, то в ней могло появиться восприятие, конечно, только через ее собственную свободу; а тогда и сама вещь должна была бы всегда признаваться за свободно созданный

¹⁸ Фихте И.Г. Факты сознания. С. 702.

образ»¹⁹. Итак, Фихте предлагает совершенно оригинальную концепцию разума и познания, заставляя нас сегодня вновь задуматься над отношением его концепции к кантовской и гегелевской.

Возвращаясь к сопоставлению взглядов Фихте и Маркса, заметим их близость также в вопросе о творческой сущности человека. Человек существует ради самого себя, и основной чертой его является создание новых, небывалых предметов. Причем это свойство присуще ему от рождения в качестве неустранимого человеческого свойства; оно и есть свойство человека как такового. Не ради чего-то или кого-то творит человек, а только ради себя и своих целей. У Фихте, правда, творчество подправляется Высшей Волей, нравственным законом.

Сущность нового воспитания. Для того, чтобы творчество проявилось в полной мере, человека, по Фихте, надо воспитывать; это должна быть совершенно новая целостная система воспитания. Ее Фихте излагает в работе «Речи к немецкой нации». Надо обратить внимание на мужество Фихте: эти лекции читались во время оккупации Наполеоном Пруссии и грозили автору суровыми карами. К счастью, Наполеон не обращал внимания на философов, и это спасло Фихте, который призывал немцев освободиться от угнетения и обрести самостоятельность.

В чем же состоит суть нового воспитания? Во-первых, это не простое усвоение различных знаний и приемов, ведь таким путем не может возникнуть представление о самостоятельном духе и, как говорит Фихте, «первоначальном принципе всех вещей». Если воспитатель хочет добиться успеха у воспитанника, он должен нащупать в нем то, что для него является главным, и развить это. «Если ты хочешь чего-то от него добиться, ты должен сделать нечто большее, чем только уговаривать его, ты должен сделать его, сделать таким, чтобы он вовсе не мог хотеть иначе, чем так, как ты хочешь, чтобы он хотел»²⁰. А ты хочешь, чтобы он хотел творить. Воспитатель должен предполагать в воспитаннике «способность самодеятельного начертания образов». Эти образы независимы от действительности и являются фактически прообразами будущей действительности. Для этого надо пробудить в душе воспитанника желание «самодеятельности». «Эта деятельность по созданию духовных образов, которую мы должны развить в питомце, есть, без сомнения, действие согласно правилам, а эти правила открываются действующему...»²¹. Предполагается, что в воспитаннике есть эта «способность самодеятельного начертания подобного рода образов, независимых от действительности и являющихся отнюдь не изображениями ее, но, скорее, прообразами»²². Вот это – первое, из чего должно исходить новое воспитание. Самостоятельное начертание образов – т. е. мысленное сотворение действительности – главное дело человека, а не только способность пассивно нечто воспринимать и повторять. Воспитать ее можно, потому что «охота самодеятельности» в нем сильнее всего. Эта деятельность порождает познание, но не оно здесь самое главное; главное – воспитать желание создавать новые образы (согласно которым затем будет изменяться действительность). Самодеятельность успешно развивается, т. к. она внедрена в человека в момент рождения. «Воспитание прямо и непосредственно направлено только на возбуждение правильно развивающейся духовной

¹⁹ Фихте И.Г. Факты сознания. С. 633.

²⁰ Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. М., 2008. С. 31.

²¹ Там же. С. 35.

²² Там же. С. 34.

деятельности»²³. И человек получает от такого развития самое большое удовлетворение. Одновременно таким воспитанием удовлетворяется нравственное чувство.

Новое воспитание должно быть применено ко всем людям, оно не позволяет развиваться эгоизму, а, напротив, соединяет всех в общину. Фихте уверен, что человек предназначен для жизни в обществе. Доказывается это тем, что от природы, как полагает философ, каждый индивид получает лишь одну способность. Будучи развита и использована, она приносит данному индивиду определенное богатство. Но другие виды богатства могут дать ему только другие индивиды, наделенные иными способностями. Поэтому люди должны жить вместе, обмениваясь тем, что у них имеется. Разумнее всего, как думает Фихте, посвятить себя какому-то одному предмету (а точнее – какому-то одному виду деятельности), для чего он более всего подготовлен природой. Каждый должен дать обществу то, что может, и получить от него то, что могут другие. Никто не имеет права, думает Фихте, работать только для самоуслаждения, отрываться от близких; каждый возвращает обществу свое и все должны объединиться для пользы рода человеческого. Но это вовсе не означает факта использования людей – Фихте не раз повторяет, что все на свете может быть использовано как средство, кроме человека, – как раз наоборот, дело касается взаимного обогащения. При этом каждый должен поставить общество в известность о своей индивидуальной деятельности, т. к. только единый центр – государство – рассчитывает, сколько людей на каком месте должно работать. Так образуются сословия. Эти идеи Фихте развивает в разных работах, в том числе в «Замкнутом торговом государстве» (1800). Здесь уточняется, что обособленные индивиды договариваются между собой – не делать того, что вредит другим.

Социальные отношения. Надо заметить, что на раннем этапе своего развития Фихте разделял демократические взгляды; он писал об общественном договоре, направленном на обеспечение свободы каждого гражданина посредством справедливых законов. Он утверждал также, что кончилась эпоха порабощения людей, что каждый принадлежит только себе. В «Основах естественного права» он также пишет о необходимости обеспечить всех жизненно важными средствами и отстаивает право на труд и на собственность. В более поздний период своего творчества Фихте переходит на этицистские позиции, подчеркивая главенствующую роль государства.

Работа «Замкнутое торговое государство» была направлена против экономической блокады Англии Наполеоном и преследовала цель доказать экономическую независимость отдельной страны. Вопрос о возникновении государства здесь не ставится; предполагается, что его истоки затерялись в туманной дали. Но, возникнув, государство берет на себя функции управления благосостоянием и деятельностью граждан. Оно определяет количество работников в каждом сословии и взаимосвязь последних. «Назначение государства состоит прежде всего в том, чтобы *дать* каждому свое, *ввести* его во владение его собственностью»²⁴, а ею является собственность не на вещи, а на определенный вид деятельности.

Только государство, пишет автор, соединяет неопределенное количество людей в замкнутое целое, в общность; только оно может выяснить особенности у всех тех, кого оно принимает в свой союз; только через него устанав-

²³ Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. С. 38.

²⁴ Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство // Фихте И.Г. Соч.: в 2 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 237.

ливается основанная на праве собственности. Иными словами, распределяя граждан по разным группам-сословиям, государство тем самым устанавливает *право* как право на собственность.

Двумя главными отраслями деятельности является добыча естественных произведений природы – ископаемых, растений, животных – и их обработка. Соответственно этому выделяются два главных сословия: производители и художники. Производители обязываются добывать столько продуктов, чтобы могли питаться не только они сами, но и художники и, далее, все те, кто ничего не добывает. Художники же должны требовать от производителей столько сырья, сколько они привыкли иметь по данным ценам. Третье сословие между ними – это сословие купцов: два сословия передают третьему право непосредственного обмена. Кроме того, в государстве имеются члены правительства, учащиеся, военные, «...в соответствующем правовому закону государстве три главных сословия должны быть рассчитаны в зависимости друг от друга, и каждое должно быть ограничено определенным количеством сочленов. Каждому гражданину должно быть обеспечено соответствующее участие во всех продуктах и фабрикатах страны в обмен на результаты приходящейся на его долю работы; то же и общественным должностным лицам, но без видимого эквивалента. Для этой цели стоимость всех вещей должна быть твердо установлена и поддерживаема по отношению друг к другу, и цена их по отношению к золоту». Посредством сбалансированности разных видов деятельности Фихте надеялся исключить нищету социальных низов и обеспечить независимость экономики страны. Государство же и перераспределяет число работников в каждой отрасли. «Каждый должен быть доволен тою сферой, в которую его поставила природа, и всем тем, что является следствием этой сферы»²⁵.

Благодаря упорядоченной и законной деятельности государства, как думает Фихте, все граждане будут благополучны. Они не будут работать чрезмерно, как выючные животные, их труд будет радостным и светлым. Такой достаточно утопический план предлагается человечеству. По мнению Фихте, он приближает человека к лучшему миру, который находится не где-то там, а входит в нынешний мир. Ошибкой, на его взгляд, было бы думать, что человек только тогда получит доступ в надземный мир, когда вырвется из этого мира: он уже теперь находится и живет в надземном мире, работает для него. Он лежит вокруг нас – потому что в земную жизнь входит нравственный закон.

В достижении лучшего мира – достоинство человека. «Впервые через Я входят порядок и гармония в мертвую и бесформенную массу... Через него держатся вместе мировые тела и становятся *единым* организованным телом. Через Я утверждается огромная лестница ступеней от лишая до серафима, *в нем* – система всего мира духов...»²⁶. Человек вкладывает не только необходимый порядок в вещи, он дает им также и тот, который он произвольно выбрал. Человек предписывает сырому веществу организоваться по его идеалу. Для него вырастает то, что раньше было холодным и мертвым, и вещество вырастает для него во что-нибудь другое, чем сегодня. Вокруг него облагораживаются животные, они отрешаются под его осмысленным взглядом от своей дикости. Более того, вокруг человека облагораживаются души.

²⁵ Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство. С. 249.

²⁶ Фихте И.Г. О достоинстве человека // Фихте И.Г. Соч.: в 2 т. Т. 1. СПб., 1993. С. 437.

Таков человек, таков каждый, кто может самому себе сказать: Я – человек. «Честь и достоинство человека утверждается только благодаря деятельности. Человек – это деятельное существо. Действовать! Действовать! – вот призыв, обращенный к человеку Высшей Волей. На этой основе человек становится господином природы»²⁷.

Этим панегириком в адрес человека можно завершить наше рассмотренное фихтевское учение о человеке. Философ уверен в его могуществе и независимости, и всеми своими работами пытается доказать это. Сможем ли мы сегодня следовать главным идеям Фихте и развивать их? В том, что касается достоинства и значения человека, – безусловно, да.

Список литературы

Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство / Пер. с нем. Э.Э. Эссена // *Фихте И.Г. Соч.*: в 2 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 225–357.

Фихте И.Г. Назначение человека / Пер. с нем. В.М. Брадиса и Т.В. Поссе // *Фихте И.Г. Соч.*: в 2 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 9–224.

Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого / Пер. с нем.; под ред. В. Вандела // *Фихте И.Г. Соч.*: в 2 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 7–64.

Фихте И.Г. О достоинстве человека / Пер. с нем. Б.В. Яковенко // *Фихте И.Г. Соч.*: в 2 т. Т. 1. СПб., 1993. С. 435–441.

Фихте И.Г. Основа общего наукоучения / Пер. с нем. Б.В. Яковенко // *Фихте И.Г. Соч.*: в 2 т. Т. 1. СПб., 1993. С. 65–337.

Фихте И.Г. Речи к немецкой нации / Пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Канон+, 2008. 336 с.

Фихте И.Г. Факты сознания / Пер. с нем. О. Давыдовой; под ред. Э.Л. Радлова // *Фихте И.Г. Соч.*: в 2 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 621–769.

Фихте И.Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сущности новейшей философии / Пер. с нем. // *Фихте И.Г. Соч.*: в 2 т. Т. 1. СПб., 1993. С. 564–667.

Böttger F. Ruf zur Tat: Johann Gottlieb Fichte, sein Leben in Briefen und Berichten verbunden mit einer Auswahl aus seinen allgemeinverständlichen Schriften. Berlin: Verlag der Nation, 1956. 395 S.

Man in Fichte's system of philosophy

Tamara Dlugach

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Volkhonka Str. 14/5, Moscow 119991, Russian Federation; e-mail: dlugatsch@yandex.ru

The purpose of this paper is to examine how Fichte evaluates man's role and position. For Fichte, man is the goal of philosophy and the purpose of the Universe. At the centre Fichte's reflections is the assertion of man's autonomy. In this respect, Fichte exceeds the confines even of Kant's thinking who insisted on the autonomy of human reason alone, whereas Fichte – on that of man as a whole. From several definitions of man given by Fichte it becomes obvious that, on the one hand, man is a natural being created by nature in its unhurried motion, while on the other hand, man holds sway over nature by changing it and becoming its master. Incidentally, no thinker approaches Fichte's ideas on man as the master of nature as close as Marx. The highest faculty in man is, according to Fichte, his involvement in moral law (which is also evidence that in his system activity receives

²⁷ *Böttger F. Ruf zur Tat: Johann Gottlieb Fichte, sein Leben in Briefen und Berichten verbunden mit einer Auswahl aus seinen allgemeinverständlichen Schriften.* Berlin, 1956. S. 287.

an idealist interpretation). The moral law is at the same time the supreme Will on which all finite wills depend. It prompts man to desire something, in the first place to desire to change all that exists. This is the point where the creative faculty is turned on, which has to be formed by the new education. Man creates new ideal forms and then implements them in reality by means of activity. It is for the sake of activity that cognition exists which, in fact, is no more than a knowledge of knowledge. This is how man transforms the world.

Keywords: Fichte, nature, will, thinking, supreme Will, activity, progress

References

Böttger, F. Ruf zur Tat: *Johann Gottlieb Fichte, sein Leben in Briefen und Berichten verbunden mit einer Auswahl aus seinen allgemeinverständlichen Schriften*. Berlin: Verlag der Nation, 1956. 395 S.

Fichte, J.G. “Fakty soznaniya” [Facts of Consciousness], trans. by E. Essen, in: J.G. Fichte, *Sochineniya* [Selected Writings], vol. 2. St.Petersburg: Mifril Publ., 1993. S. 621–769. (In Russian)

Fichte, J.G. “Naznachenie cheloveka” [The Vocation of Man], trans. by V. Bradis & T. Poss, in: J.G. Fichte, *Sochineniya* [Selected Writings], vol. 2. St.Petersburg: Mifril Publ., 1993. S. 9–224. (In Russian)

Fichte, J.G. “Neskol’ko lektsii o naznachenii uchenogo” [Several Lectures on the Vocation of the Scholar], ed. by V. Vandek, in: J.G. Fichte, *Sochineniya* [Selected Writings], vol. 2. St.Petersburg: Mifril Publ., 1993. S. 7–64. (In Russian)

Fichte, J.G. “O dostoinstve cheloveka” [On the Dignity of Man], trans. by B. Yakovenko, in: J.G. Fichte, *Sochineniya* [Selected Writings], vol. 1. St.Petersburg: Mifril Publ., 1993. S. 435–441. (In Russian)

Fichte, J.G. “Osнова obshchego naukoucheniya” [Foundations of the Entire Science of Knowledge], trans. by B. Yakovenko, in: J.G. Fichte, *Sochineniya* [Selected Writings], vol. 1. St.Petersburg: Mifril Publ., 1993. S. 65–337. (In Russian)

Fichte, J.G. *Rechi k nemetskoj natsii* [Addresses to the German Nation], trans. by A. Sudakov. Moscow: Kanon+ Publ.; Reabilitatsiya Publ., 2008. 336 pp. (In Russian)

Fichte, J.G. “Yasnoe, kak solntse, soobshchenie shirokoi publike o sushchnosti noveishei filosofii” [A Crystal Clear Report to the General Public Concerning the Actual Essence of the Newest Philosophy], in: J.G. Fichte, *Sochineniya* [Selected Writings], vol. 1. St.Petersburg: Mifril Publ., 1993. S. 564–667 (In Russian)

Fichte, J.G. “Zamknutoe torgovoe gosudarstvo” [The Closed Commercial State], trans. by E. Essen, in: J.G. Fichte, *Sochineniya* [Selected Writings], vol. 2. St.Petersburg: Mifril Publ., 1993. S. 225–357. (In Russian)